

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/54-69

Научная статья

© Е. Г. Гущина

**«ЧИТАЯ ПОЛОТЕНЦА»:
РУССКОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ Л. С. ТОКСУБАЕВОЙ**

Выдающийся деятель казанской этнографической школы Л. С. Токсубаева (1948–2017) сыграла большую роль в развитии исследований орнаментальных особенностей и семантической функции полотенца в семейных обрядах. В статье на основе полевых материалов автора и архивных документов впервые рассмотрена научная биография Л. С. Токсубаевой, проанализированы основные направления её работы в контексте развития этнографии в Казанском университете. Л. С. Токсубаева стала одним из первопроходцев в разработке инструментария, проведении полевых исследований русского народного искусства Среднего Поволжья и анализе собранного материала. Она также внесла весомый вклад в развитие предметного поля этнографических исследований в Казани. Рассматривая полотенца как один из важных источников исследования русского декоративно-прикладного искусства, Л. С. Токсубаева пришла к выводу, что они являлись знаковой частью семейной обрядности. Совместно с коллегами ей удалось собрать значительный объем материала по культуре русского населения Казанского Поволжья конца XIX — начала XX вв., и, в частности, реконструировать территориальные и хронологические особенности орнаментации полотенца, выявить традиционные функции и рассмотреть их трансформацию.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, народное искусство, полотенца, Л. С. Токсубаева, казанская этнографическая школа, экспедиция, орнамент

Ссылка при цитировании: Гущина Е. Г. «Читая полотенца»: русское декоративно-прикладное искусство в экспедиционных материалах Л. С. Токсубаевой // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 54–69.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/54-69

Original article

© *Elena Gushchina*

**“READING TOWELS”:
RUSSIAN DECORATIVE ART
AMONG L. S. TOKSUBAYEVA’S EXPEDITION MATERIALS**

L. S. Toksubayeva (1948–2017) was an outstanding figure of the Kazan ethnographic school and played a major role in the studies of ornaments and semantic function of towels in family rituals. This article is the first attempt to examine the scientific biography of L. S. Toksubayeva based on her field materials and archival documents and to analyze the main areas of her work on the development of ethnography at Kazan University. L. S. Toksubayeva became one of the pioneers in the development of research tools, conducting field research of Russian folk art in the Middle Volga region and analyzing the collected material. She also made a significant contribution to the development of ethnographic research in Kazan. Considering towels as one of the important research objects of Russian decorative art, L. S. Toksubayeva concluded that they were an iconic part of family rituals. Together with her colleagues, she managed to assemble a diverse collection of material culture of the Russian population in the Kazan Volga region in the late XIX — early XX centuries, and, in particular, to reconstruct the territorial and chronological patterns of towel ornamentation, identify their traditional functions and consider their transformation.

Keywords: *decorative art, folk art, towels, L. S. Toksubayeva, Kazan ethnographic school, expedition, ornament*

Author info: **Gushchina, Elena G.** — Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: egguschina@mail.ru ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-6225-8216>

For citation: Gushchina, E. G. 2023. “Reading Towels”: Russian Decorative Art in L. S. Toksubayeva’s Expedition Materials. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 54–69.

В середине XX в. этнографами Казанского университета было начато систематическое изучение русского населения Среднего Поволжья. Благодаря деятельности Николая Иосифовича Воробьева (1894–1967) и Евгения Прокопьевича Бусыгина (1913–2008) исследование этнокультурных особенностей русского населения региона стало ведущим направлением в работе многих поволжских этнографов, получивших в 1940–1970-е гг. образование в Казанском университете. Конечно, описание особенностей русского населения Среднего Поволжья началось еще в XIX в., но оно было не планомерным, фрагментарным (по отдельным уездам, в основном — описание обычаев и фольклора). Как отмечал сам Е. П. Бусыгин, когда он пытался дать характеристику русских деревень, посещенных в его первой этнографической экс-

педиции, он столкнулся с проблемой: собранного материала было мало и не было возможности его дополнить информацией из литературы, поскольку просто отсутствовали какие-либо доступные описания русского населения этой территории (Мартынова 2022: 352). С 1947 г. Е. П. Бусыгин начал совершать ежегодные плановые экспедиции, которые позволили собрать колоссальный материал и защитить в 1952 г. кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура русского сельского населения Татарской АССР» (АФКЭ 1). С 1956 г. неизменным участником и одним из руководителей этнографических экспедиций Казанского университета, коллегой и верным напарником Е. П. Бусыгина стал Николай Владимирович Зорин (1923–2006). Плодотворная долгая совместная работа и дружба Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина позволила поднять большой пласт материала по русскому населению Среднего Поволжья, сравнить культуру русских этого региона с культурой русских в местах основного расселения, а также воспитать плеяду учеников, продолживших их дело (Мартынова 2022: 355; Гуцина, Хайруллина, Мингалиев 2020).

В 1960–1980-е гг. у этнографов Казанского университета, при сохранении основной темы научной полевой работы — русское население Среднего Поволжья, существенно расширилась тематика направлений исследований отдельных экспедиционных «отрядов» и возглавлявших их молодых ученых. От изучения материальной культуры (хозяйства, ремесел, поселений, жилищ, одежды и т. д.), они перешли к исследованию семейного и общественного быта и обрядности (Е. В. Михайличенко, Н. Н. Кучерявенко, Л. Н. Шабалина, Л. Ф. Банцарева), развитию семьи, воспитанию детей и внутрисемейным отношениям (Н. В. Лештаева (Рычкова)), музыкальной традиции (В. И. Яковлев). В конце 1960-х гг. студенткой Лидией Токсубаевой началось изучение русского декоративно-прикладного искусства — темы, ставшей основной в ее научной работе.

Лидия Сергеевна Токсубаева (07.12.1948–12.02.2017) родилась в пгт Васильсурск Горьковской (ныне — Нижегородской) области и после окончания средней школы в 1966 г. поступила на географический факультет Казанского государственного университета. Причем выбор именно этого факультета был напрямую связан с ее будущей профессией: как отмечала Л. С. Токсубаева, только в КГУ, кроме Московского и Ленинградского университетов, согласно справочнику для поступающих в вузы, значилось такое учебное и научное направление как этнография. Она еще на первом курсе стала интересоваться, как попасть в этнографическую экспедицию: *«Чтобы попасть в этнографическую экспедицию КГУ, нужно было заранее об этом позаботиться. «Разведку» я начала ещё на 1 курсе. Я жила тогда в комнате с пятикурсницами. Они и объяснили мне, что нужно обратиться к Н. В. Зорину, но берут только после 2 курса. Кроме меня в группе было ещё несколько человек, пожелавших поехать, но, в конце концов, взяли только меня и Ивана Смирнова. Экзамены пришлось сдавать досрочно. Практику по ботанической географии Н. В. Зорин взялся провести для нас в экспедиции»* (ПМА).

Как отмечала Лидия Сергеевна, в экспедициях была особая атмосфера, в том числе и в форматах трансляции научного знания по разным направлениям исследований: *«Наши руководители очень ненавязчиво преподавали нам те же этнографические знания, которых нам часто не хватало. Тогда географы слушали курс «Этнография» только на 5 курсе, отъездив 2–3 сезона. Они обычно начинали в нашем присутствии обсуждать какую-либо проблему между собой или аспирантами, а мы прислушивались, затаив ды-*

хание. Тогда уже на выходе была диссертация А. Г. Симонова, и они часто обращались к вопросам заселения, планировки поселений, связи дома с надворными постройками и т. д. С Михайличенко, а затем с Замулой обсуждали проблемы общины, общественного быта. Однако, в те годы, когда основной тематикой была современная семья, мы только слушали. В 80-х годах, когда тематика исследований стала разнообразной, и студенты работали по отдельным темам, все включались в бурное обсуждение полученных сведений. Обычно эти обсуждения начинались в автобусе, когда возвращались из очередного населённого пункта, и продолжались в послеобеденных беседах. Наперебой рассказывали о каких-то деталях, нюансах, которые удалось зафиксировать. Многие казались странным и неожиданным в деталях свадьбы или проведении какого-либо праздника. Но когда вступал Николай Владимирович, всё вставало на свои места. Радовались открытию. И тогда переплетались все: свадьба и праздники, внутрисемейные отношения и положение женщины в семье, вопросы орнаментики и использовании свадебных полотенец и т. д. И вырисовывалась та, другая деревня, сведения о которой мы собирали теперь по крупицам, тот народ, о котором мы так мало знали» (ПМА).

В первой экспедиции Л. С. Токсубаевой в 1968 г. определился ее исследовательский интерес, который поддержали ее учителя — Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин: «Уже в первой моей экспедиции я стала обращать внимание на домовые украшения, что было замечено руководителями. Ко второй моей экспедиции уже была напечатана анкета для изучения домового декора и интерьера жилища. Все последующие годы я работала с ней, пока не переключилась на орнаментированный текстиль» (ПМА). Лидия Сергеевна участвовала в 18 экспедиционных сезонах.

Таким образом, с 1969 г. в этнографических экспедициях Казанского университета планомерно начали исследовать декоративно-прикладное искусство русского населения Среднего Поволжья: прежде всего, декоративное оформление сельского жилища (домовую резьбу) и орнаментированный текстиль (ткачество, вышивка, кружевоплетение). Эта тема, как в целом исследование материальной культуры русского населения Среднего Поволжья, была практически «белым пятном», и большой пласт материала собирали впервые. Единственными работами, вышедшими ранее по этой тематике, были статья Н. Ф. Калинина «О русском крестьянском зодчестве» (Калинин 1925) и статья Г. С. Масловой «Русские постройки Среднего Поволжья»

Рис. 1. Студенты-участники этнографической экспедиции Казанского университета Р. Фиогин, Л. Токсубаева, Л. Хайбина, Д. Кучерявенко, Р. Сунарлова. 1969 г. Архив кафедры антропологии и этнографии КФУ.

(Маслова 1953). Следует отметить, что Л. С. Токсубаева в качестве «программной» работы для изучения русского крестьянского зодчества Поволжья и декоративного оформления жилища как его части, выделяла именно работу Н. Ф. Калинина (Токсубаева 2017: 10).

Рис. 2. Прорисовка образцов использования ажурной пропиловки в оформлении наличников по экспедиционным фотографиям Л. С. Токсубаевой. Казанское Поволжье. 1970–1980 гг. Архив кафедры антропологии и этнографии КФУ.

В 1979 г. Л. С. Токсубаева окончила аспирантуру Казанского университета с предоставлением диссертации на тему «Декоративное оформление русского сельского жилища в автономных республиках Среднего Поволжья» (АФКЭ 2). Научным руководителем был Е. П. Бусыгин. Защита состоялась в 1981 г. в Институте этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая в Москве (Токсубаева 1980). Материалы диссертации вошли в монографию Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина и Л. С. Токсубаевой «Декоративное оформление сельского жилища в Казанском Поволжье» (Бусыгин и др. 1986). Необходимо подчеркнуть, что совместная деятельность и сбор материала этнографами Казанского университета повлияли на особенности публикации научных работ. Практически все статьи и монографии этнографов Казанского университета выходили в соавторстве с Е. П. Бусыгиным и/или Н. В. Зориным, поскольку они руководили экспедициями, оказывали методическую помощь в сборе и анализе собранного материала, помогали с систематизацией выводов исследования.

Исследуя русское декоративно-прикладное искусство, этнографы Казанского университета стали использовать термин «Казанское Поволжье». Этим термином обозначили территорию, включающую в себя Татарскую АССР и сопредельные с ней Чувашскую и Марийскую республики, значительная часть которых входила ранее в состав Казанской губернии (Бусыгин и др. 1986). Выделение такого вну-

тренного этнографического района русской культуры в рамках Средневолжской историко-этнографической области было обусловлено несколькими факторами: накопленный за несколько десятилетий экспедиционный материал свидетельствовал о едином комплексе материальной культуры русских на этой территории; историческое обоснование культурных границ носило более обоснованный с этнографической точки зрения контур, чем географическое (Козлов 2021).

В экспедициях материал собирался комплексом этнографических методов (наблюдение, опрос населения, сбор вещевого материала), а в основу исследования особенностей декоративного убранства домов был положен анкетно-статистический метод. Первым статистический метод для анализа особенностей украшения домов применил еще Н. Ф. Калинин (Калинин 1925). С помощью специально разработанных анкет, заполняемых на каждый дом, стало возможно получить репрезентативные данные по территориальным различиям в характере домовых украшений и в способах их использования, выявить динамику домового декора (Мартынова 2022: 356). Помимо фиксации разных способов внешнего украшения жилища, особенностей их размещения и цветового решения, в анкету заносились сведения о времени постройки дома и данные о его хозяевах, что дало возможность выявить взаимосвязь распространения разных видов украшений домов и социально-экономических и этнических факторов (Бусыгин и др. 1986). Кроме работы в поле и сбора экспедиционного материала, этнографы Казанского университета анализировали большой массив архивных источников (например, архивы Русского географического общества и «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева по Казанской губернии).

В 1970-х гг. Л. С. Токсубаева, помимо изучения особенностей декоративного оформления русского сельского жилища (Токсубаева 1981), начинает исследование особенностей орнаментированного текстиля (узорного ткачества, вышивки) Казанского Поволжья, а в 1980-е гг. — и изучение символики орнаментов. Основным предметом ее научного интереса стали полотен-

Рис. 3. Полотенце. Бранное ткачество, строчка по перевити, гладь, меретка. Экспедиционные материалы Л. С. Токсубаевой. Елабужский район Рт, с. Лекарево, А. А. Егорова, 1882 г. р. Центр русского фольклора г. Казани.

ца, которые изготавливались в разной технике и играли важную роль в обрядовой культуре. Данные исследования Л. С. Токсубаевой до настоящего времени остаются единственными подобными работами по Казанскому Поволжью. Но эта тема стала точкой пересечения исследовательского поля двух «отрядов» экспедиций — изучающих декоративно-прикладное искусство под руководством Л. С. Токсубаевой и — свадебную обрядность под руководством Н. В. Зорина. Обращаясь к полотенцам под призмой разных научных ракурсов, исследователи смогли расширить и обогатить свои работы дополнительным материалом. Результатом совместного труда стала серия публикаций, в которых освящалась роль полотенец в обрядовой традиции русских Казанского Поволжья (Зорин, Токсубаева 1976; Зорин, Токсубаева 1982; Зорин, Токсубаева 1984; Зорин, Токсубаева 1985; Зорин, Токсубаева 1987).

Для изучения роли полотенец в семейной обрядности Л. С. Токсубаева составила специальный вопросник «Использование ритуальных полотенец в семейной обрядности»:

«Родильные и крестильные обряды.»

1. Принимали ли новорожденного на полотенце / чьё / или на отцовскую рубаху?
2. Брала и бабка-повитуха это полотенце себе?
3. Покрывали ли полотенцем дно корыта, когда первый раз купали новорожденного?
4. Имел ли место обряд «размывания рук»? Дарила ли после этого роженица бабке полотенце?
5. Завертывали ли бабка в это полотенце хлеб и соль?
6. Принимала ли крёстная мать ребенка из купели на полотенце? Чье оно было? Какова его дальнейшая судьба?
7. Дарила ли кума куму полотенце после крестин?
8. Устраивался ли торжественный обед с приглашением всех родственников, кума и кумы / «бабина каша»/?
9. Постилали ли полотенце под горшок с кашей и покрывали ли кашу полотенцем сверху?
10. Покрывала ли бабка голову полотенцем, снятым с каши, когда произносила пожелания счастливой жизни новорожденному?
11. Покрывали ли в это время головы полотенцами кум и кума? Чьи это были полотенца?
12. Какие полотенца использовали на родинах и крестинах (вышитые, браные, набивные, отделанные кружевом и т. д.)?

Свадебная обрядность.

1. На рукобитье дарили ли родители невесты полотенца родителям жениха?
2. Дарила ли в это время невеста полотенца жениху? А родственникам жениха? Кому из родственников?
3. Дарили ли родственники жениха полотенца родственникам невесты?
4. Было ли принято размахивать дареными полотенцами, возвращаясь со сговора по улицам деревни?

5. *Расстилали ли на рукобитье родители невесты полотенце на столе?*
6. *Носили ли подружки невесты полотенца по улицам деревни, когда наряжались женихом и невестой?*
7. *Развешивали ли полотенца в доме невесты во время девичника?*
8. *Покрывали ли полотенцем невесту, когда вели ее в ритуальную баню?*
9. *Отвозили ли после этого в церковь зашитый в полотенце хлеб?*
10. *Кому из свадебных чинов вручались полотенца? Кто вручал?*
11. *Обязывали ли полотенцем приданое, увозя его в дом жениха?*
12. *Вывешивали ли в доме невесты полотенца в день венчания к приезду свадебного поезда?*
13. *Спрашивали ли подружки невесты «пропуск» у дружки прежде, чем пустить его в дом невесты? Что служило пропуском?*
14. *С полотенцем ли встречала невеста жениха и его родственников?*
15. *Проводилось ли домашнее обручение жениха и невесты с помощью полотенца?*
16. *Закрывали ли невесту полотенцем в ее доме?» (АФКЭ 3: 5–6).*

Данный опросник стал логическим продолжением и дополнением инструментария по исследованию семейной и общественной обрядности (Бусыгин, Зорин 2002: 165–177). Следует отметить, что другие вопросники тоже включали пункты о роли полотенца в обрядовых действиях, хоть и не концентрировались на них. Например, в «Вопроснике для сбора полевых материалов по погребальной обрядности русского населения Среднего Поволжья», составленным Н. В. Зориным и Н. В. Лештаевой, из 142 вопросов 14 были направлены на выявление роли полотенца в похоронно-поминальной обрядности, поэтому отдельным блоком в вопроснике Л. С. Токсубаевой такие вопросы не вынесены. А «Вопросник по родильной обрядности русского населения Среднего Поволжья» (63 вопроса), составленный Н. В. Лештаевой, не содержал вопросы о роли полотенца, поэтому в вопроснике Л. С. Токсубаевой эта тема была выделена в отдельный блок.

Анализируя собранные материалы, Л. С. Токсубаева и Н. В. Зорин выявили, что у русского населения Казанского Поволжья в конце XIX — начале XX в. полотенце как ритуальный предмет проходило через все основные обряды жизненного цикла — родильные, свадебные и похоронные. Причем, как отмечали исследователи, полотенце играло роль знака женщины и семейно-родственного коллектива, к которому она принадлежала. Например, новорожденного ребенка принимали на полотенце матери, а во время крещения полотенцем крестной матери закрывали приготовленную для крещения воду в церкви и принимали ребенка из купели. В подобных действиях полотенце выполняло функцию приобщения и к роду матери, и к роду крестной матери. Особенно многочисленными действиями, связанными с полотенцами, была насыщена свадьба: богато украшенные полотенца сопровождали свадебные ритуалы от рукобитья до хождения за водой невесты на утро после первой брачной ночи (Зорин, Токсубаева 1987: 97–101). В Казанском Поволжье девушка к свадьбе заготавливала от десяти до пятидесяти полотенца в зависимости от достатка семьи (Токсубаева 2017: 59). Обязательным элементом свадебных обычаев было повязывание полотенцами дружки, что служило признанием невестой его полномочий и являлось его «пропуском» в дом; полотенцами украшали свадебный поезд, перевязывали приданое; невеста развешивала свои полотенца в доме жениха. Полотенца устанавли-

вали символические границы и выполняли функции оберега (Токсубаева 1999: 80). В похоронных обрядах полотенце также выполняло функцию «опознавательного знака» и информировало односельчан о случившемся. Например, его часто вывешивали на сорок дней снаружи на углу дома покойного. Также перед похоронами около дома ставили крест, на который повязывали полотенце. Причем опознавательным знаком полотенце было и для умерших предков: по предположению Н. В. Зорина и Л. С. Токсубаевой, полотенце вкладывали в руки умершему, чтобы он был опознан своими предками в мире мертвых. В своих работах казанские исследователи также отмечают, что в похоронной обрядности то, чьи именно полотенца использовались, зависело от социального положения человека. Например, если умирала женщина, то в передний угол избы или на крышку гроба прикрепляли ее полотенце; если женатый мужчина, то полотенце его жены, а девушкам и парням — полотенце их матери (Зорин, Токсубаева 1987: 102–103).

Таким образом, на основе собранного полевого материала Н. В. Зорин и Л. С. Токсубаева пришли к выводу, что у русских крестьян Казанского Поволжья полотенца в обрядах жизненного цикла выступали носителем родового женского знака, являлись сакральным предметом, объединяющим всех членов рода, как живых, так и мертвых. В качестве основных функций полотенца в семейных обрядах они выделяли функции оберега, жертвы, приобщения, информирования и оповещения. Как отмечала Л. С. Токсубаева, их исследования во многом согласовывались с выводами других российских этнографов, рассматривающих полотенца как ритуальные предметы (Бломквист 1926; Гаген-Торн 1963; Шангина 1977, Косменко 1984). Конечно, полотенца не сами по себе выполняли все эти функции, а посредством узоров и их сакрального значения. Именно эту тему начинает развивать в 1980-е гг. Л. С. Токсубаева, изучая особенности орнамента русского населения Среднего Поволжья.

Следует отметить, что в 1970–1980-е гг. экспедиции этнографов Казанского университета продолжили многолетнее исследование русских в основном в северных районах Среднего Поволжья (прежде всего в Марийской АССР), а также в сопредельных районах Кировской и Горьковской областей. Большое количество материала, в том числе и вещевого, было собрано в экспедициях 1981–1982 гг.: «В прошлом году исследования проводились в приречных селах по Ветлуге, в этом году — по Вятке. Гоньба, Шурма, Лебяжье, Мальковщина, Сазановщина, Курановщина — это далеко неполный список сел и деревень Кировской области, где побывал отряд этим летом» (Токсубаева 1982). Причем в 1982 г. Л. С. Токсубаева выезжала в экспедицию со своим «отрядом» дважды: с 20 мая по 20 июня — в Горномарийский район МАССР, в Тетюшский, Буинский, Дрожжановский и Апастовский районы ТАССР; с 19 по 31 июля 1982 г. — в Кировскую область. В этих экспедициях Л. С. Токсубаева возглавляла отряд, работавший по теме «Орнамент русского населения Среднего Поволжья и сопредельных районов в XIX — начале XX в.» (Токсубаева 1984: 153–154). Объектом исследования Лидии Сергеевны была вышивка и узорное ткачество (орнамент и его элементы, их компоновка, функциональная роль как узора, так и самого предмета), а целью — реконструкция представлений русских крестьян Среднего Поволжья об окружающем мире, системы ценностей и эволюции этих представлений.

Экспедиции показали, что для отдельных территорий Казанского Поволжья была характерна разная степень сохранности орнаментированного текстиля и большое

разнообразие орнаментальных мотивов и сюжетов, цветовой гаммы, технических приемов. Л. С. Токсубаева отмечала, что у жителей привятских сел, в силу удаленности от больших городов и наличия старообрядческого населения, в значительной степени сохранились традиционные черты в быту и культуре: *«Здесь, вдалеке от городов, сохраняются еще традиционные бытовые предметы, старинная одежда, обычаи и обряды. Это ли не Эльдорадо для этнографа?! А доброжелательность населения, стремление помочь и словом, и делом — залог успеха для исследователей культуры и быта народа»* (Токсубаева 1982). Это позволило выявить своеобразие в орнаментации тканей и характере их использования: *«Разнообразны узоры вышивок: травы, птицы, звери, солнечные знаки и т. д. Мы воспринимаем их исключительно как украшение одежды или другой ткани. Однако в прошлом они исполняли совсем иные функции. В одном случае вышивка служила оберегом — знаком, предохранявшим владельца орнаментированной вещи от злых сил, в другом — отличительным знаком рода»* (Токсубаева 1982).

Л. С. Токсубаева собрала большую репрезентативную коллекцию фотографий и вещественных источников орнаментированного текстиля. Практически все предметы — орнаментированные полотенца. Также в ее коллекции встречаются единичные фотографии мужских рубах и домашнего текстиля. Полотенца и узорчатые концы от полотенец из своих полевых материалов Л. С. Токсубаева после выхода на пенсию передала в Этнографический музей Казанского университета (коллекция под инвентарным номером ЭМУ 255, 24 ед. хран.) и Центр русского фольклора г. Казани (9 ед. хран.). Практически все экспонаты имеют карточку, составленную Л. С. Токсубаевой, в которой содержится информация, где и когда бытовало данное полотенце, кто является автором, что существенно облегчает работу с коллекцией и делает ее важным источником для исследования русского орнамента. Большая часть полотенец относится к концу XIX — началу XX вв. и была собрана в Марийской АССР. Орнаментированные концы полотенец выполнены примерно равно по числу в технике браного ткачества и вышивки (в основном крестом). Как и в Казанском Поволжье в целом, так и в коллекции Л. С. Токсубаевой с небольшим перевесом преобладает бело-черно-красная цветовая гамма узоров, но и в браном тка-

Рис. 4. Л. С. Токсубаева с респондентом В. К. Новиковой 1899 г. р. На Л. С. Токсубаевой праздничная одежда — рубаха и запон, выполненная в технике счетный крест В. К. Новиковой. Малмыжский район Кировской обл., с. Гоньба. Фото В. Канищева, 1982 г. Архив кафедры антропологии и этнографии КФУ.

Рис. 5. Конец полотенца.

Бранное ткачество. Экспедиционные материалы Л. С. Токсубаевой. Медведевский район Марий Эл, с. Медведево, А. Г. Малышева, 1902 г. р. Этнографический музей Казанского университета.

честве, и тем более в вышивке крестом использовали нитки разных цветов, особенно в сюжетных композициях.

По экспедиционным материалам, собранным в Казанском Поволжье, было установлено, что узоры для вышивания на полотенцах девушки брали

с полотенца своих матерей или бабушек по материнской линии, то есть орнамент долгое время был наследственным. Богато украшенные полотенца, которые изготавливались в предсвадебный период, никогда не использовались в утилитарных целях. Также следует отметить, что Л. С. Токсубаева фиксировала в экспедициях такой термин как «свадебное полотенце», но информаторы не смогли обозначить каких-либо его четких характеристик. Мы упоминали ранее, что изготовление полотенца было связано с подготовкой к свадьбе и, как отмечала Л. С. Токсубаева, в последующие периоды своей жизни женщина никогда не занималась вышиванием полотенца, а использовала во всех обрядах жизненного цикла оставшиеся после свадьбы полотенца. После смерти женщины полотенца передавались по наследству дочерям, внукам или другим родственникам по женской линии, а если женщина умирала бездетной, то полотенца, как и другие ее вещи, возвращали в дом родителей (Токсубаева 2014: 123).

Л. С. Токсубаева была «первопроходцем» в планомерном исследовании декоративно-прикладного искусства русского населения Казанского Поволжья и ей удалось собрать материал только по относительно позднему пласту традиционной культуры и орнаментальным особенностям вышивки и браного ткачества. Вместе с тем, Л. С. Токсубаева установила, что в узорах, особенно в браном ткачестве, сохранились древние сюжеты и композиции: «рожаница», «лягушка», трехчастные композиции с фигурой женщины или дерева по центру и обращенных к ним фигур птиц или коней. Л. С. Токсубаева пришла к выводу, что браное ткачество появилось в Казанском Поволжье вместе с русскими переселенцами из северных регионов в XVI–XVII вв., что подтверждалось схожими орнаментами с Вологодчины и Каргопольщины. Во второй половине XIX — начале XX вв. в Казанском Поволжье, как и в других регионах России, фиксируется отход от воспроизведения традиционных архаичных узоров и забвение семантики образов. При сохранении общей схемы построения композиции, в узорах появилось новое содержание; большая часть зафиксированных в экспедиции подобных композиций уже являлась переработкой печат-

ных узоров начала XX в. (Токсубаева 2014: 89). В качестве образцов для вышивания распространяются бесплатные приложения узоров к оберткам от мыла — как отмечали респонденты, узоры «снимали с картинок». В основном это был растительный орнамент: чередование букетов, вазоны с цветами, разнообразная извивающаяся растительная ветвь и т. п. Популярность таких новых узоров и активное использование в орнаментации обрядовых полотенец Л. С. Токсубаева объясняла близостью к традиционным схемам русской орнаментики и наличием прямых аналогов новых мотивов в окружающей природе: *«Вхождение рассматриваемых мотивов в круг образов и сюжетов русского народного искусства произошло довольно быстро. Это, вероятно, связано с тем, что, во-первых, они отражают окружающую природу, близкую и понятную вышивальщицам. Во-вторых, новые растительные мотивы вписываются в традиционные схемы, используемые испокон веков... В ее [вышивки] орнаменте мы наблюдаем, как легко цветочные мотивы увязываются в волнообразную ветвь, подобную резным орнаментам барельефной или пропиленной резьбы, или резьбы по камню суздальских и ярославских соборов. Цветочные композиции по своему построению легко вписываются в общую схему традиционной, древней композиции с условным названием «рожаница»»* (Токсубаева 2014: 105–105).

В конце XIX — начале XX вв. на концах полотенец в Казанском Поволжье также широко были распространены зооморфные и орнитоморфные (Л. С. Токсубаева их относил к зооморфным) мотивы орнамента: разнообразные петушки, курочки, «орлики» и «павы», бараны, зайцы, львы и т. п. Древнейший по происхождению геометрический орнамент также продолжал бытовать в формах, которые условно можно разделить на две группы: традиционные для русской орнаментики (ромбическая сетка или чередование ромбических полос, восьмилучевая звезда в браном ткачестве) и трансформировавшиеся (упрощенный орнамент; сочетание с растительным орнаментом в вышивке). Как отмечает Л. С. Токсубаева, антропоморфный орнамент в вышивке и ткачестве был распространен меньше, но также встречается более архаичный вид (так называемые «казачки») и более «новый» в сюжетных однотипных композициях вышивок крестиком (так называемые «пляска», «пахота», «жених с невестой и т. п.). Таким образом, Л. С. Токсубаева проанализировала все основные мотивы, которые встречаются в орнаментированном текстиле русского народа. Вместе с тем, она не рассматривала активно распространившееся в этот период текстовое сопровождение орнамента (инициалы, шаблонные надписи: «Кому люблю того дарю», «Чистота лучшая красота» и т. п., а также «индивидуальные», которые встречаются только на отдельных полотенцах).

После перерыва в этнографической экспедиционной работы во второй половине 1980-х гг. и в 1990-х гг., связанного с личными обстоятельствами, социально-экономической обстановкой в стране, а также преподаванием на географическом факультете и проведением ботанических практик, Л. С. Токсубаева в начале 2000-х гг. возобновила исследовательскую работу по русскому народному декоративно-прикладному искусству. В 2003–2004 гг. она реализовывала проект «Традиции и современность в русском народном изобразительном искусстве Среднего Поволжья» (РГНФ № 03–01–007332а) и повторно исследовала домовый декор по нескольким ключевым маршрутам с целью выявления произошедших за двадцать лет изменений. В результате экспедиций расширились и круг материалов по орнаментированному текстилю Казанского Поволжья за счет введения в научный оборот новых дан-

ных по Кировской и Нижегородской областям. Большое внимание в исследовании было уделено рассмотрению современного на тот период состояния художественного творчества русского населения Казанского Поволжья (Токсубаева 2004; Токсубаева 2005). В 2014 г. вышла в свет ее монография «Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, браное ткачество, кружево». Презентация монографии состоялась в Доме Дружбы народов Татарстана в сентябре 2015 г.

Как отмечала Л. С. Токсубаева, традиционные формы народного искусства были органично связаны с бытовыми и ритуальными предметами, отражали мировоззренческие установки и были неразрывной частью и материальной, и духовной этнической культуры. Трансформация традиционной культуры русского населения Казанского Поволжья в XIX–XIX в. нашла свое выражение и в особенностях домовой резьбы и декоративного оформления полотенец. Первоначально орнаменты полотенец несли в себе сакральный смысл, являясь культурным знаком и кодом; несли информативную, опознавательную, обережную функции. В конце XIX — начале XX вв. значительное развитие получила эстетическая сторона крестьянского быта (Токсубаева 2004). Изобразительные мотивы русского народного искусства в Казанском Поволжье сочетали разновременные элементы от архаики до советской эмблематики, перерабатываясь и изменяясь. В вышивке и браном ткачестве произошло определённое размывание традиционного орнамента, активное внедрение городских печатных узоров. Вместе с тем, они оказались достаточно устойчивыми к влиянию орнаментальной культуры других поволжских народов. К 1930–1940-м гг. традиционная крестьянская вышивка и браное ткачество практически исчезли, в том числе поскольку утратили смысл орнаменты, и ушел в прошлое комплекс семейной обрядности в целом: «... Ломка традиционных представлений, разрушение комплекса традиционной обрядности привели к утрате обслуживающих его форм народного искусства, а следовательно, к обеднению художественной традиции, замене некоторых ее составляющих элементами интернациональной городской культуры» (Токсубаева 2014: 138).

Л. С. Токсубаева внесла огромный вклад в исследование русского декоративно-прикладного искусства, рассмотрев в своих работах особенности его локального варианта в рамках Казанского Поволжья как части Средневолжской историко-культурной общности. Она стала одним из первопроходцев в разработке инструментария, в проведении полевых исследований русского народного искусства Среднего Поволжья и анализе собранного материала. Реконструируя в своих работах процессы формирования и развития разных форм народного искусства, в том числе браного ткачества и вышивки полотенец, Л. С. Токсубаева проанализировала его роль и функции в комплексе обрядовой культуры русского населения края. Собранные Л. С. Токсубаевой в многолетних экспедициях материалы до настоящего времени во многом являются единственными в своем роде. Это важный и востребованный источник по изучению русского декоративно-прикладного искусства края. В настоящее время в Республике Татарстан этнографами Казанского университета проводится исследование орнаментальных особенностей полотенец разных территорий Татарстана, методологической основой которого являются работы Л. С. Токсубаевой.

Источники и материалы

- АФКЭ 1 — Архив кафедры антропологии и этнографии. Фонд Е. П. Бусыгин. Дело Диссертация. 302 л.
- АФКЭ 2 — Архив кафедры антропологии и этнографии. Фонд Л. С. Токсубаева. Дело Диссертация. 261 л.
- АФКЭ 3 — Архив кафедры антропологии и этнографии. Фонд Л. С. Токсубаева. Дело Документы. 15 л.
- ПМА — Полевые материалы автора. Ф. 1. Оп. 1. Интервью № 2.
- Бусыгин и др.* 1986 — *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Декоративное оформление сельского жилища в Казанском Поволжье. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 125 с.
- Зорин, Токсубаева* 1976 — *Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Декоративное оформление русского сельского жилища на территории автономных республик Среднего Поволжья // Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. 186 с.
- Зорин, Токсубаева* 1982 — *Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Функции орнаментированных полотенец у русского населения Среднего Поволжья (конец XIX — начало XX вв.) // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвященных 60-летию образования СССР: Тезисы докладов. Нальчик, 1982. С. 167–168.
- Зорин, Токсубаева* 1984 — *Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Вышивка и браное ткачество русского населения Марийской АССР // Археология и этнография Марийского края: [Сб. ст.]. Вып. 4. Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 148–162.
- Зорин, Токсубаева* 1985 — *Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Орнаментированные ткани в семейной и календарной обрядности русского крестьянства Среднего Поволжья (XIX–начало XX вв.) // Проблемы комплексной географии: сборник трудов членов Татарского филиала Географического общества СССР / сост. и науч. ред. А. М. Трофимов. Казань: Издательство Казанского университета, 1985. С. 95–105.
- Зорин, Токсубаева* 1987 — *Зорин Н. В., Токсубаева Л. С.* Обрядовые функции орнаментированных полотенец у русского населения Казанского Поволжья // Археология и этнография Марийского края: [Сб. ст.]. Вып. 11. Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 95–105.
- Токсубаева* 1980 — *Токсубаева Л. С.* Декоративное оформление русского сельского жилища на территории автономных республик Среднего Поволжья. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1980. 22 с.
- Токсубаева* 1981 — *Токсубаева Л. С.* Формирование единого комплекса декора сельского жилища у народов Среднего Поволжья // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире»: Краткие тезисы докладов и сообщений, май 1981 г. Элиста, 1981. С. 112–113.
- Токсубаева* 1982 — *Токсубаева Л. С.* Экспедиция за стариной // Ленинец. 11 октября (№ 29). 1982. С. 2.
- Токсубаева* 1984 — *Токсубаева Л. С.* Коротко об экспедициях. Этнографические экспедиции КГУ // Советская этнография. 1984. № 1. С. 153–154.
- Токсубаева* 1999 — *Токсубаева Л. С.* Символика орнаментированного полотенца как атрибута традиционной семейной обрядности русского населения Казанского Поволжья (XIX — нач. XX в.) // Марийский археологический вестник. 1999. № 9. С. 78–83.
- Токсубаева* 2004 — *Токсубаева Л. С.* Декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы в Казанском Поволжье во второй половине XIX — нач. XX в. // Материалы Краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М. Г. Худякова. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 445–450.

- Токсубаева 2005* — *Токсубаева Л. С.* Этнические традиции и современное русское декоративно-прикладное творчество в Казанском Поволжье // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: Материалы международной научно-практической конференции. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 241–244.
- Токсубаева 2014* — *Токсубаева Л. С.* Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, браное ткачество, кружево. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. 140 с.
- Токсубаева 2017* — *Токсубаева Л. С.* Ритуальные полотенца в системе мировоззрения русского крестьянства и других народов Восточной Европы // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. № 4. С. 58–60.

Научная литература

- Бломквист Е. Э.* Полотенце в русском быту // Русский Музей. Этнографический отдел. Л., 1926. С. 25–28.
- Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Этнография в Казанском университете. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2002. 220 с.
- Гаген-Торн Н. И.* Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья // Известия на этнографичния институт и музеи. Кн. 6. София, 1963. С. 279–290.
- Гущина Е. Г., Хайруллина А. И., Мингалиев А. Х.* Этнографическое изучение русского населения Среднего Поволжья учеными Казанского университета: коллекция Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина в собрании Этнографического музея Казанского университета // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3. С. 26–31.
- Калинин Н. Ф.* О русском крестьянском зодчестве // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1925. Т. XXXIII. Вып. I. С. 93–104.
- Козлов В. Е.* Методологические проблемы репрезентации территориальных групп современного русского населения // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 4. С. 31–41.
- Косменко А. П.* Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 200 с.
- Мартынова М. Ю.* (отв. ред.) Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.
- Маслова Г. С.* Русские постройки Среднего Поволжья // Советская этнография. 1953. № 1. С. 88–112.
- Шангина И. И.* К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в. // Этнография народов Восточной Европы / отв. ред. А. А. Шенников. Л.: Геогр. о-во СССР, 1977. С. 118–124.

References

- Blomkvist, E. E. 1926. Polotentse v russkom bytu [Towel in Russian Everyday Life]. In *Russkii Muzei. Etnograficheskii otdel*. Leningrad. 25–28.
- Busygin, E. P. and N. V. Zorin. 2002. *Etnografiia v Kazankom universitete* [Ethnography at Kazan University]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo Universiteta. 220 p.
- Gagen-Torn, N. I. 1963. Obriadovye polotentsa u vostochnykh slavian i narodov Povolzh'ia [Ritual Towels among the Eastern Slavs and Peoples of the Volga Region]. *Izvestiia na etnografichniia institut i muzei* 6: 279–290.
- Gushchina, E. G., A. I. Khairullina and A. H. Mingaliev. 2020. Etnograficheskoe izuchenie russkogo naseleniia Srednego Povolzh'ia uchenymi Kazanskogo universiteta: kolleksiia E. P. Busygina i N. V. Zorina v sobranii Etnograficheskogo muzeia Kazanskogo universiteta [Ethnographic Study of the Russian Population of the Middle Volga Region by Scientists of Kazan University: Collection of E. P. Busygin and N. V. Zorin in the Collection of the Ethnographic

- Museum of Kazan University]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* 3: 26–31.
- Kalinin, N. F. 1925. O russkom krest'ianskom zodchestve [About Russian peasant architecture]. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* 33(1): 93–104.
- Kozlov, V. E. 2021. Metodologicheskie problemy reprezentatsii territorial'nykh grupp sovremenogo russkogo naseleniia [Methodological Problems of Representation of Territorial Groups of the Modern Russian Population]. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 41 (4): 31–41.
- Kosmenko, A. P. 1984. *Narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo vepsov* [Folk Fine Art of Veps]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdelenie. 200 p.
- Martynova, M. Y. (ed.) 2022. *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i national'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State-Building and National Politics]. Moscow: IEA RAN. 556 p.
- Maslova, G. S. 1953. Russkie postroiki Srednego Povolzh'ia [Russian Buildings of the Middle Volga Region]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 88–112.
- Shangina, I. I. 1977. K voprosu o perezhitkakh drevnikh verovani v bytu russkikh krest'ian XIX v. [On the Question of the Remnants of Ancient Beliefs in the Life of Russian Peasants of the XIX Century]. In *Etnografiia narodov Vostochnoi Evropy* [The Ethnography of Eastern European Peoples]. Leningrad: Geograficheskoe obshestvo SSSR. 118–124.